

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 46 (2429)

Среда, 9 июня 1948 г.

Цена 40 коп.

1 и 2 стр. Белинский и наша современность. Доклад А. А. Фадеева на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР. Это принадлежит детям! Л. Дмитрико. Наш друг (стихи). Информация.

3 стр. С. Бабенничева. Пути журнала «Звезда». Е. Кригер. О людях «Малой земли». П. Павленко. Витязь поэзии. А. Дементьев. Е. Наумов. Как строить курс советской литературы.

4 стр. Г. Осипов. Глабб-паша — агент Бевина. Мих. Зенкевич. В мире призраков. Николай Погдин. Зеленые в Вашингтоне. Информация.

Седьмого июня в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное памяти великого революционера-демократа, гениального мыслителя, пламенного публициста и критика Виссариона Григорьевича Белинского.

В Большом театре Союза ССР собрались ученые, писатели, артисты, представители московских предприятий и братских республик страны.

Заседание открыл заместитель председателя Всесоюзного комитета по проведению 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского академик В. П. Волгин, сказавший краткое вступительное слово.

Бурными аплодисментами встретили участники заседания предложение избрать в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с великим вождем и учителем советского народа товарищем И. В. Сталиным.

С докладом «Белинский и наша современность» выступил председатель Всесоюзного комитета по проведению 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А. А. Фадеев.

Президиум юбилейного заседания в Большом театре Союза ССР. На трибуне — А. А. Фадеев.

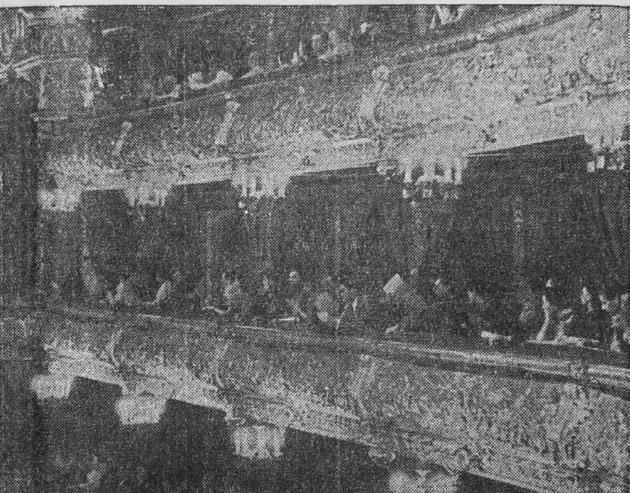
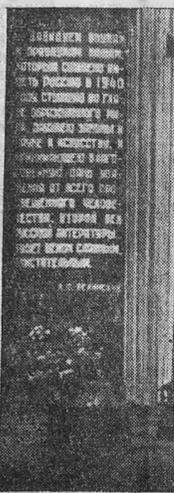

Фото Д. ТИХАНОВА.

БЕЛИНСКИЙ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

Доклад генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. А. Фадеева на торжественном заседании в Большом театре 7 июня 1948 года

1. Историческое значение Белинского

Виссарион Григорьевич Белинский родился в 1811 году и умер в 1848 году. Его сознательная жизнь протекала в период самой глухой и зверской реакции после разгрома восстания декабристов в 1825 году. Это была Россия Николая I, Россия неграмотная, отсталая, придушенная крепостником-помещиком.

Но это была Россия после победоносной Отечественной войны 1812 года, Россия, в которой, при кажущейся неподвижности, многое уже сдвинулось с места. Крепостной крестьянин был уже не прежний.

«Что выдвинуло в 40-х годах на сцену мужика, что сделало из него в 50-х первое лицо в литературе? Историки объясняют этот факт влиянием западного социализма и главным образом — влиянием романов Жюль Занд... — не без иронии писал Горький в своей «Истории русской литературы». — Но — это едва ли верно, а если и верно, то лишь отчасти... интерес и внимание к нему вызвал он сам, и вызвал грубейшим образом, именно, путем бунтов и волнений. Он занимался этим делом чрезвычайно усердно и все с большей энергией».

Горький приводит статистику все возрастающего числа крестьянских бунтов, начиная с 1826 года, и остановившись на цифре: 172 бунта между 1845 и 1849 годами, справедливо заключает: «Если в течение 1460 дней мужик бунтует 172 раза, то выходит, что он бунтует каждые 9 дней по одному разу обязательно — тут уже повороте обратиться на него внимание и без участия... Жюль Занд и прочих посторонних толчков!»

Победоносная Отечественная война 1812 года, разгромившая Наполеона и освободившая порабощенные им страны, подняла национальное самосознание и гордость русского народа, и это отразилось в деятельности наиболее передовых образованных людей. Декабризм был разгромлен, но появились Герцен, Белинский. Время это было временем бурного становления великой русской литературы.

На сознание передовых русских людей не могли не оказывать влияния и национально-освободительное восстание поляков 1830 года, подавленное царем, и буржуазная революция во Франции в том же году, и все те процессы, которые вызвали революцию 1848 года в Западной Европе.

Передовые люди России не могли не видеть вопиющего противоречия между величием русской нации, победившей Наполеона, ее духовной культурой, творимой буквально на глазах, и крепостническому укладом всей жизни, технической и культурной отсталостью, гнусной реакционной ролью, которую играл царизм внутри и вне страны.

Этим противоречием в жизни России объясняется, что в воззрениях передовых людей и, прежде всего, Белинского глубоко чувство патристической гордости так неразрывно связано с желанием изменить положение дел в России.

Белинский был самым передовым и наиболее сознательным представителем этого периода развития России.

Ленин определил Белинского, как предшественника полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении. Взгляды Белинского отразили настроения крепостных крестьян, интеллигенции самых широких масс населения России в борьбе за элементарнейшие права народа, против крепостного гнета.

Белинский был родоначальником революционно-демократического движения, которое особенно развернулось после его смерти, во второй половине пятидесятых и в шестидесятых годах прошлого века.

Характерной особенностью этого движения было то, что в нем социализм и демократизм сливались в одно целое. Социализм был утопический, ибо на основе крестьянского движения без руководящей роли рабочего класса никакого социализма завоевать нельзя. Но это был утопический социализм не по западноевропейскому, а по русскому образцу: подкрепленный программой крестьянской революции — уничтожение самодержавия, ликвидация помещичьего землевладения, раздел земли между крестьянами.

2. Борьба вокруг литературного наследия Белинского

Борьба вокруг идей Белинского, развивавшаяся после его смерти, еще больше разгорелась по мере его смерти. По отношению к наследству Белинского можно судить о всех силах, участвовавших в борьбе «нового со старым» в России, на всех этапах этой борьбы в течение ста лет и по сей день. И кого только не было среди его врагов!

К его явным врагам принадлежали: зубры-крепостники во главе с царем и вся их челядь — высокопоставленные полки, голевские чинуши, в том числе и чинуши от литературы из числа царских донесчиков; крепостники «просвещенные» из лагеря так называемых «славянофилов», которых, по выражению Герцена, Белинский «додрал до мушкетера и лупноу», раскрыв в их мнимой «народности» лицемерных защитников тех же крепостнических порядков.

После раскрепощения крестьян эти две разновидности открытых врагов Белинского фактически слились в один лагерь охранителей помещичьего землевладения, самодержавия, церковного мракобесия. В лице своих духовных выразителей — прямых, вроде князя Вяземского, или в вывертах, вроде Достоевского (не говоря уже о второразрядных), они объявляли грязью имя Белинского до конца своих дней.

Таинные враги Белинского, буржуазные либералы пытались извратить его наследие в духе своих взглядов, прикрывавших их постепенное приспособление к власти помещиков; другие выдавали Белинского за либерала, сторонника господства капиталистов в России.

Немалую роль в этом сыграли бывшие друзья его, в молодости даже состоявшие с ним в одном кружке, из лагеря так называемых «залащников», с которыми еще при жизни Белинский скрепил дружеское оружие.

Именно от бывших друзей, временных попутчиков Белинского, пошла фальшивая, «залащниковская» легенда о нем, как о школяре, будто бы всю жизнь переходившем из класса в класс немецкой идеалистической философии. По этой легенде Белинский, как школяр «из бедных», к тому же «браничивый» и с «раздражительным характером», перешпал немецкую науку у лихих, богатых и «образованных» друзей Белинского, его «учителей», но был последователем, чем, собственно, и объясняется его «крайности».

Так буржуазные либералы и сомкнувшиеся с ними в конце века либералы

3. Корифей русской философии

Здесь верно только то, что Белинский в своем философском развитии действительно шел от идеализма к материализму.

Но здесь неверно главное. Выходит, во-первых, что Белинский проходил как бы самообразовательную отвлеченную школу, да еще у иноземных учителей, а не великого исторического школу социальной борьбы в России своего времени — России в крепостном крестьянском, борющимся против помещиков, с неформальными по своему характеру, но все же различными партиями, отражающими борьбу классов или сословий. Получается, во-вторых, что Белинский, которого сам же Плеханов называл «гениальным социологом» и «высшей философской организацией», занимался в выработке в интересах русского народа такой теории, которая помогала бы решить реальные нужды, — а просто рабски переходил от одного немецкого философа к другому. Получается, в-третьих, что человек, никогда не занимавшийся философией в ее отвлеченном немецком смысле, а выражавший свои философские взгляды в тесной связи с конкретными вопросами социальной борьбы в России, посвятивший всю жизнь русской литературе, — получается, что этот человек в формировании своего мировоззрения миновал почему-то всех русских философов, историков и писателей.

Здесь сказана оппортунистический взгляд Плеханова, согласно которому будто бы Россия во всем — и в экономическом и в политическом отношении, и в форми-

ровании своего революционного мировоззрения всегда шла и должна идти вслед за Западной Европой, в ее хвосте.

Соплюясь на высказывание Ленина о плехановской оценке теоретических взглядов Чернышевского:

«Из-за теоретического различия их (идеалистического и материалистического) взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа».

Плеханов, например, считает, что в западном кружке, в который вошел молодой Белинский после исключения из университета, он, Белинский, представлял «крайнюю левую».

Это неверно. Белинский в дворянском кружке представлял совсем новое, отличное явление. Это был первый разночинец, бунтарь, будущий революционный демократ и будущий основатель своей «партии». А окружали его настоящие и будущие либералы и кое-кто из будущих охранителей самодержавия.

Немецкая идеалистическая философия действительно была религией окружающих Белинского молодых людей. Иначе и не могло быть. Назначение немецкой идеалистической философии — этой реакции на революцию и материализм — как раз состояло в том, чтобы духовно вооружить всех, кто хотел сохранить старое или «бороться» со старым не революционным путем, а уходом в сферу «чистого духа». Естественно увлечение немецкой идеалистической философией в царской крепостнической России после разгрома декабрьского восстания. Конечно, ею не увлекались русские крестьяне. Но кроме самой невежественной и отсталой партии крепостников, состоявшей из зубров и высокопоставленных попов и возглавляемой царем, не признававшей никакой философии, кроме «священного писания», многие образованные дворяне «славянофильского» и либерального толка находили в этой философии свое душевное спасение. «Видите, как нехорошо бороться с царем в с крепостным правом! Цитируйте лучше под сень чистого духа», — напугивала им немецкая идеалистическая философия.

Белинский пришел в этот кружок, уже будучи автором антикрепостнической драмы «Дмитрий Калинин». В идейном багаже гениального сына уездного лекаря из Челябинска были Ломоносов, Радищев, Пушкин, декабристы, французские философы-просветители и вся русская литература.

Белинский проходил свой самостоятельный, порожденный реальными русскими условиями и потому не похожий ни на немецкий, ни на французский, ни на какой другой путь философского развития.

Это был путь искания прогрессивной теории, способной объяснить и помочь решить проклятые противоречия русской жизни. Это был путь от идеализма к материализму и от метафизического до диалектического взгляда на явления.

Этот переход произошел не сразу. С самого начала так называемый «стыдливый» или «стихийный» а с сороковых годов все более осознающий себя материалист Белинский бунтует против идеализма Белинского, бунтует все упорнее и, наконец, осознавший себя материалист побеждает идеалиста. Как раз в то время, когда Белинский, по формулировке Плеханова, находится во втором, «гегелевском», идеалистическом, даже с «абсолютными» выводами, периоде, он писал:

«Когда дело идет об искусстве... я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость, в

4. Революционер-демократ

Общественно-литературную деятельность Белинского современная советская наука делит чаще всего на два периода: демократически-просветительский, длившийся, примерно, до 1839 года; и революционно-демократический, примерно, с сороковых годов и до конца жизни.

Первый, — когда Белинский будто бы признавал насильственного изменения крепостнического строя, а пытался воздействовать на всех, в том числе и на крепостников, пропагандой своих демократических взглядов, пока не дошел до «примирения с гнусной российской действительностью». Второй, — когда он со всей ре-

шпальностью раздался со своим примирением и присоединил к пропаганде своих демократических и уже социалистических взглядов признание необходимости народной революционной борьбы за ликвидацию крепостничества, самодержавия и осуществление социализма в его понимании.

Это — не вполне точно. Белинский всегда был антикрепостником. И признавал он возможность насильственного вмешательства в «гнусную российскую действительность» не со второй половины сознательной жизни, а с самой юности, со времени написания антикрепостнической дра-